

Виктория Макарова

Вильнюсский университет

Институт иностранных языков

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva

E-mail: makarovavv@gmail.com

Научные интересы: когнитивная лингвистика, анализ дискурса, риторика, прагматика

КОНЦЕПТ «ВИЛЬНЮС» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ТОМАСА ВЕНЦЛОВЫ И В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена исследованию индивидуально-авторского концепта «Вильнюс» Томаса Венцловы и универсального русского языкового концепта «Вильнюс». Материалом для анализа послужил текст книги Т. Венцловы о Вильнюсе в переводе на русский язык и данные «Национального корпуса русского языка». Анализ показал, что структура концепта «Вильнюс» в индивидуально-авторской картине мира Т. Венцловы характеризуется важной ролью «духовных» составляющих, из которых складывается целостный образ города – это духовная жизнь города, его многоязычие и поликультурность, толерантность горожан по отношению друг к другу и чужим, несколько провинциальный дух города, а также (что мы относим не к «духовным», а, скорее, пространственным элементам) неправильность его архитектурных форм. структура концепта «Вильнюс» с русским языковым сознанием состоит из закономерных пространственных (ибо Вильнюс – это, прежде всего, географическое пространство) элементов: место, в котором что-либо происходит, в котором находятся разные вещи (материальные и абстрактные); место, на «владение» которым претендуют разные народы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вильнюс, Венцлова, концепт, языковая картина мира.

Толчком к написанию настоящей статьи послужило для нас такое событие: в 2012 г. известная книга Томаса Венцловы о Вильнюсе вышла в переводе на русский язык. Книга вошла в русскую культуру под названием «Вильнюс: город в Европе», перевод был выполнен Марией Чепайтите. Как сказано в аннотации, в этой книге «столица Литвы предстает многослойной, как ее 700-летняя история. Фантастический сплав языков, традиций, религий, существовавших на территории к востоку от Эльбы независимо от политических границ, породил совершенно особый ореол города».

После прочтения читатель волей-неволей вынужден посмотреть на Вильнюс свежим взглядом. Например, в личной концептосфере автора статьи благодаря Т. Венцлове концепт Вильнюса претерпел определенные изменения. Отсюда вытекает проблема нашего исследования: мы исходим из мысли о том, что текст

Т. Венцловы о Вильнюсе может стать (и/или уже становится) одним из тех влиятельных культурных фактов, которые влияют на концептосферу всей культуры в целом. Что мы имеем в виду? Например: после появления (вернее, срастания с культурным фоном русского человека) стихов С. Есенина о Руси – человек, глядя на Россию сквозь призму русского языка, видит «хаты, в ризах образа, не видать конца и края, только синь сосет глаза». Другие пример: глядя на сосновый лес, человек, мыслящий в рамках русского языка, увидит «сосны-великаны» (из песенки Бременских музыкантов), увидев кота – вспомнит «кот ученый» (А. Пушкин), туман – «дыша туманами» (А. Блок), коллега опаздывает – «а Германа все нет» (опера «Пиковая дама»).

Конечно, книга Т. Венцловы о Вильнюсе – текст иного рода. Во-первых, это проза, не стихи. Как известно, стихи – т.е. облаченные в рифмованную и ритмичную форму образы – легче и быстрее утверждаются в коллективной памяти, чего нельзя сказать о прозе. Во-вторых, «синь сосет глаза» и «сосны-великаны» – это факты массовой культуры, чего нельзя сказать о прозе Т. Венцловы. Исходя из данных соображений, не возьмем на себя смелость утверждать, что образ Вильнюса в русской картине мира уже в настоящий момент приобретает благодаря тексту Венцловы новые черты. Однако при определенном стечении обстоятельств (если в ближайшее время появятся еще тексты о Вильнюсе, подкрепляющие тезисы Т. Венцловы; если тексты о Вильнюсе начнут «растаскивать на цитаты»; если тема Вильнюса не уйдет из разговоров русских и/или на русском языке на дальний план и проч.) трансформация концепта Вильнюс в русской языковой картине мира станет очевидной.

Итак, цели исследования мы сформулировали следующим образом: 1) эксплицировать, какова структура и содержательное наполнение концепта «Вильнюс» в дискурсе Т. Венцловы, и, чтобы более четко представить черты анализируемой сущности, 2) показать, какова структура и содержательное наполнение концепта «Вильнюс» в концептосфере русской культуры. Поставленная нами проблема характеризуется новизной, т.к. лингвисты пока что не обращались к проблеме описания концепта «Вильнюс» – как в дискурсе Т. Венцловы, так и в картине мира русского языка.

Методологические рамки данной работы таковы: работа написана в русле когнитивной лингвистики, т.е. при анализе текста автора интересовало, о чем говорит говорящий, что он сказал, как он это сказал и почему говорящий сказал именно это и именно таким образом. «Почему» – конечно, самый сложный вопрос, но и самый интересный. Пытаясь ответить на него, мы можем словно заглянуть в сознание, порождающее тексты, увидеть, на каких ценностных ориентирах зиждется мировоззрение субъекта дискурса (Лассан 1995, Макарова 2010, Диомидова 2013).

Кроме того, мы считаем аксиомой мысль о том, что переводные тексты становятся фактом принимающей культуры (Тоугу 1979, Комиссаров 1990, Латышев 2000).

Еще один методологический момент, требующий пояснения, – это использование терминов. Во-первых, мы использовали термин «концепт» по отношению к таким явлениям, для которых существуют альтернативные наименования (например, образ,

понятие). Пользуясь термином когнитивной лингвистики «концепт», мы показываем, что исследование базируется на доказанных предшественниками истинах и разработанных методиках анализа. Т.е. утверждая, что в статье предложены результаты исследования концепт «Вильнюс», мы тем самым утверждаем, что анализировали «ментальное образование, ... несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин 2007: 24). Во-вторых, мы пользовались термином «картина мира». Под языковой картиной мира мы, вслед за Э. Лассан, понимаем «представления об объектах действительности и их взаимосвязи», которые «отражаются в продуктах культуры и одновременно внедряются в умы новых поколений носителей культуры» (Лассан 2008: 16–17). Иными словами, это «вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых национальных разговорных языков» (Никитин 1999). Под авторской картиной мира мы понимаем «субъективный образ объективного мира», т.е. Такое мировидение, которое является результатом духовной деятельности какого-либо индивида, чаще всего – писателя, публициста, человека мыслящего и пишущего (Маслова, 2004: 42–43).

Материалом для анализа послужил, во-первых, текст Т. Венцловы в переводе на русский язык (Венцлова 2012). Во-вторых, для исследования отношения коллективного русского сознания к такому явлению как Вильнюс мы обратились к данным «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ). То есть нас интересовал исключительно русский образ Вильнюса, поэтому мы работали с материалом на русском языковом материале. В корпусе НКРЯ мы искали контексты употребления всех словоформ лексемы *Вильнюс*. Поиск был осуществлен по общему корпусу, проанализированы нами были 100 первых результатов.

Концепт «Вильнюс» в авторской картине мира Т. Венцловы

Духовная жизнь. Сквозь всю книгу Т. Венцловы о Вильнюсе проходит красной нитью мысль о духовном аспекте жизни в городе. В древнейшие времена о материальной стороне духовной жизни свидетельствовали языческие объекты: *У подножья горы стоял языческий храм* (Венцлова 2012). В более поздние времена речь идет о католических храмах: *Купола и башни католических храмов определили силуэт города* (Венцлова 2012). Справедливости ради хотелось бы отметить, что православные храмы также привносят свою лепту в формирование линии горизонта в Вильнюсе, но Т. Венцлова отдельно православную ноту в религиозной вильнюсской многоголосице не выделяет. Специально Т. Венцлова отмечает многоконфессиональность Вильнюса: *Религиозный срез Вильнюса почти во все времена был даже разнообразнее национального. Венецианский посол даже однажды насчитал в городе 72 верования, хотя наверняка и преувеличил их число* (Венцлова 2012).

Примечателен также тот факт, что знаменитая переписка Т. Венцловы и Ч. Милоша озаглавлена как «Диалог о Восточной Европе. Вильнюс как форма духовной жизни». То есть мы видим еще одно свидетельство важности составляющей «духовная жизнь» в структуре концепта «Вильнюс» в дискурсе Т. Венцловы.

Многоязычие и поликультурность – это еще один элемент в структуре венцловского концепта «Вильнюс». Пример: *Жители Вильнюса ... всегда говорили на нескольких языках, среди них всегда хватало мигрантов и беженцев, семь местных народов постоянно пополняли пришельцы из других стран, в их числе англичане, испанцы и финны* (Венцлова 2012). Примечательно, что Т. Венцлова говорит не только о большом количестве представителей разных наций среди виленчан, он также отмечает большое количество языковых ситуаций в бытовой жизни Вильнюса. Многоязычным был Вильнюс во все времена своего существования, утратив, однако, к настоящему моменту один из коренных языков идиш: *Многоязычие... осталось. Почти все жители города могут худо-бедно договориться по-литовски, по-польски и по-русски (но уже не на идиш); молодежь, как и всюду, любит приправлять свою речь англицизмами, а патриоты с ними безнадежно борются – как и со славянизмами* (Венцлова 2012). Многоязычие Вильнюса коррелирует с поликультурностью горожан, значительная часть которых даже затрудняется отнести себя к одному из народов, населяющих Вильнюс; назвать свой родной язык (об этом подробнее см. *Miestai ir kalbos* 2010, *Miestai ir kalbos* 2013). Т. Венцлова такую особенность Вильнюса и его жителей определяет следующим образом: *Разнообразие языков переливается в тексты, от надписей в костелах и на надгробьях до стихотворений* (Венцлова 2012).

Всех и ничей. Закономерным является вопрос, кто из упоминаемых в истории Вильнюса многочисленных народов может претендовать на роль истинных виленчан, старожилов? Позволим себе привести обширную цитату из книги Т. Венцловы, в которой автор изящно и убедительно говорит о том, что Вильнюс – он одновременно и всех, и ничей: *Что бы ни происходило, город остается на границе; но граница своенравно меняется, отдавая его то одному, то другому государству, то одной, то другой политической системе и постоянно делая предметом чьей-либо ностальгии. Перед войной о нем мечтали литовцы, поскольку Вильнюсом владела Польша; сейчас, когда город, как и в самом своем начале, стал столицей Литвы, о нем тоскуют поляки, а еще больше – белорусы (...) Ни одна из этих наций не может утверждать, что Вильнюс принадлежит только ей* (Венцлова 2012).

Толерантность. Еще одна составляющая в структуре концепта «Вильнюс» у Т. Венцловы – это толерантное отношение города в лице его простых жителей и властей к кому бы то ни было и к чему бы то ни было. Например, в языческие времена в этом городе толерантно относились к христианам: *Христиане должны были чувствовать себя безопасно ... ведь в письмах Гедимины говорится, что в городе есть францисканский и доминиканский храмы, в котором верующие могут поклоняться своему Богу* (Венцлова 2012). В новейшие времена в Вильнюсе процветало еврейское сообщество: *Именно в Литве евреев меньше всего ограничивали и преследовали; поэтому тут они превосходили любую другую диаспору – возможно, со времен Вавилона* (Венцлова 2012). Однако трагические события XX в. оставили свой отпечаток и на образе Вильнюса, ибо *Холокост... здесь был даже ужаснее, чем во многих других местах* (Венцлова 2012).

Провинциальность. Вильнюс – с одной стороны, был (и остается таковым) европейским городом и в старину, и в советские времена: *Как и во времена Алек-*

сандра I, он стал «третьим городом империи», паллиативом Запада – хотя бы для интеллигентов (Венцлова 2012). Однако сквозит в образе Вильнюса некая домашняя провинциальность. Например, *стили ... всегда запаздывали. Они доходили до этого дальнего уголка Европы тогда, когда мода в центре уже была другой* (Венцлова 2012).

Неправильность. Это единственная составляющая рассматриваемого нами концепта «Вильнюс» (в дискурсе Т. Венцловы), касающаяся не метафизики, а физических свойств интересующего нас объекта. Т. Венцлова использует такие определения для ландшафта Вильнюса, как *хаос, нестройный*, например: *Если улица прямее других, она обязательно идет в гору, а если она лежит на плоскости, то остается кривой – стоя в одном конце улицы, никогда не увидишь другого. ... Части огромных, иногда громоздких храмов маячат за углом, но полностью здания увидеть трудно, для этого приходится или запрокинуть голову, или залезть на окрестные холмы...* (Венцлова 2012).

Итак, структура концепта «Вильнюс» в индивидуально-авторской картине мира Т. Венцловы характеризуется важной ролью «духовных» составляющих, из которых складывается целостный образ города – это духовная жизнь города, его многоязычие и поликультурность, толерантность горожан по отношению друг к другу и чужим, несколько провинциальный дух города, а также (что мы относим не к «духовным», а, скорее, пространственным элементам) неправильность его архитектурных форм.

Концепт «Вильнюс» в русской языковой картине мира

Место. Большинство проанализированных нами примеров из НКРЯ свидетельствует о том, что Вильнюс в текстах на русском языке осмысливается как некая географическая точка, место на карте мира. Например: *Вице-чемпион России принимает в эти дни участие в розыгрыше «финала четырех» Североευропейской баскетбольной лиги, который проходит в Вильнюсе* (НКРЯ). В Вильнюсе, например, могут проходить какие-то общественно-политические мероприятия: *приехал в Вильнюс с кратким рабочим визитом и провел переговоры с президентом Литвы // Протокол был открыт для подписания в Вильнюсе 3 мая 2002 года* (НКРЯ).

Часть примеров свидетельствует о том, что о Вильнюс говорится в католическом контексте: *даже в костел в родном Вильнюсе не ходил // в кафедральном соборе в Вильнюсе* (НКРЯ). В части примеров упоминаются православные реалии – знаменитые виленские мученики, священники: *мощи мучеников Виленских Антония, Иоанна и Евстафия, пострадавших за Христа в Вильнюсе в 1347 году // Он — сын православного священника из Вильнюса...* (НКРЯ). О Вильнюсе на русском языке также часто пишут авторы текстов на еврейскую тематику: *к Вильнюсу — литовскому Иерусалиму — тянулись и белорусские евреи, считавшие себя литваками // Я связалась с еврейскими организациями Вильнюса* (НКРЯ). Очевидна корреляция с концептом Т. Венцловы – с составляющей «Многоязычие и поликультурность».

Объект распри. В то же самое время в текстах на русском языке подчеркивается неоднозначная принадлежность Вильнюса какому-то одному из народов. Примеры: *признать права украинцев на Львов точно так же, как права литовцев на Вильнюс*

// в марте 1939 года столицей Литвы был Каунас, поскольку Вильнюс находился под властью Польши (НКРЯ). Примечательно, что Т. Венцлова в своей книге о Вильнюсе говорит о тех же фактах истории, но иначе осмысляет их (Вильнюс – он всех и ничей одновременно). Вероятно, категоричность русского сознания вынуждает говорящего по-русски ставить вопросы ребром и требует от говорящего порождать однозначные ответы.

Родной и польский. Такие атрибутивы характеризуют имя Вильнюс в НКРЯ. У читателя настоящей статьи может возникнуть вопрос, почему не «литовский и белорусский или, например, еврейский». Мы исследовали не абсолютно все примеры употребления словоформ лексемы Вильнюс, а лишь первые сто результатов. И среди первых ста примеров нам встретились лишь такие сочетания, как *родной Вильнюс и польский Вильнюс: Шарунас Марчюленис вправе быть довольным: в его родной Вильнюс съехались неплохие команды // Минск и Вильнюс — польские. Поэтому и Антанта относится с известным подозрением к полякам...* (НКРЯ).

В Вильнюсе есть разные вещи. Очень часто в текстах на русском языке говорится о том, какими вещами славится Вильнюс (организации, здания, производство товаров и проч.), и эта группа примеров весьма многочисленна: *Кафедральный собор // математические школы // здание парламента // здания Дома печати и ДОСААФ // Свято-Духов мужской монастырь // радиотехнические училища // Свято-Духов собор // школы // новые университеты // трикотаж прекрасного качества* (НКРЯ).

В Вильнюсе происходили разные события. Среди тех ста примеров, которые попали в поле нашего зрения, была выделена группа примеров, которых говорится о событиях, имевших место в Вильнюсе: *это январь 1991 г. // православный собор 1509 г. // Всесоюзные молодежные игры // создавалась единая школьная система // образовывались учебные округа* (НКРЯ).

Идиома «события в Вильнюсе». В современном русском языке существует выражение, отсылающее к январским событиям 1991 года. Именно это имеют в виду, когда говорят «события в Вильнюсе», но если в текстах девяностых годов прошлого века это словосочетание было понятно всем при любых обстоятельствах, то в текстах двухтысячных годов данное выражение используется лишь в соответствующем контексте, помогающем понять, о каком времени и каких событиях идет речь.

Итак, структура концепта «Вильнюс» с русским языковым сознанием состоит из закономерных пространственных (ибо Вильнюс – это, прежде всего, географическое пространство) элементов: место, в котором что-либо происходит, в котором находятся разные вещи (материальные и абстрактные); место, на «владение» которым претендуют разные народы.

В перспективе данное исследование можно было бы продолжить в следующих направлениях: сравнить содержательное наполнение концептов «Вильнюс» и «Вильна», а также – литовский концепт „Vilnius“ с русским концептом «Вильнюс».

Литература

- ДИОМИДОВА, А., 2013. Ультрасияние мгновенно: универсальные ценности глянцевого рекламного (на материале русской версии журнала "Cosmopolitan"). *Filologija*, Nr. 18, 185–193.
- ЗГАЗИНСКАЯ, О. Г., 2008. *Концепты «Париж» и «Киммерия» в творчестве М. А. Володина*. Автореферат дис. ... филологии. Северодвинск.
- КОМИССАРОВ, В. Н., 1990. *Теория перевода. Лингвистические аспекты*. Москва: Высшая школа.
- ЛАССАН, Э., 1995. *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*. Вильнюс: VUL.
- ЛАССАН, Э. Р., 2008. *Лингвокультурология. Очерк русской концептологии*. Вильнюс: VPUL.
- ЛАТЫШЕВ, Л. К., 2000. *Технология перевода*. Москва: НВИ-Тезаурус.
- МАКАРОВА, В., 2010. *Аргументация в политическом дискурсе. На материале ежегодных посланий президента России В. Путина и президента Литвы В. Адамкуса*. LAP: Lambert Academic Publishing.
- МАСЛОВА, В. А., 2004. *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой*. Москва: Флинта: Наука.
- НИКИТИН, М. В., 1999. Об отражении картины мира в языке. In: *Studia Linguistica*, VIII, 6–13.
- ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН, И. А., 2007. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ, Восток-Запад.
- Miestai ir kalbos*. Red. M. RAMONIENĖ. 2010. Vilnius: VUL.
- Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis*. Red. M. RAMONIENĖ. 2013. Vilnius: VUL.
- TOURY, G., 1979. Interlanguage and its Manifestations in Translation. *Meta*, 24, 223–231.

Источники

- ВЕНЦЛОВА, Т., 2012. *Вильнюс: город в Европе*. Санкт-Петербург: Изд-во И. Лимбаха НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (см. 9.05.2014).

Viktorija Makarova

Vilniaus universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: kognityvinė lingvistika, diskurso analizė, retorika, pragmatika

KONCEPTAS „VILNIUS“: T. VENCLOVOS AUTORINIAME PASAULĖVAIZDYJE BEI RUSŲ KALBOS PASAULĖVAIZDYJE

Santrauka

Straipsnyje yra pateikiami Tomo Venclovos autorinio koncepto „Vilnius“ ir universalios rusų kultūros koncepto «Вильнюс» analizės rezultatai. Iškelta tyrimo hipotezė, kad T. Venclovos teksto apie Vilnių vertimas į rusų kalbą gali tapti ir / arba jau tampa reikšmingu rusų kultūros faktu, kuris daro įtaką visai rusų kultūros konceptosferai.

Tyrimui buvo pasirinkti šie šaltiniai: T. Venclovos knygos apie Vilnių vertimas į rusų kalbą bei Rusų kalbos tekstyno duomenys. Išskirti šie tikslai: pirma, atskleisti T. Venclovos autorinio koncepto „Vilnius“ struktūrą bei prasmę ir, antra, parodyti, kokia yra rusų kultūros koncepto «Вильнюс» struktūra bei prasmė rusų kultūros konceptosferoje.

Iškelta problema yra aktuali, nes iki šiol lingvistai netyrinėjo koncepto „Vilnius“: nei T. Venclovos diskurse, nei rusų pasaulėvaizdyje. Tyrimas atliktas remiantis kognityvine lingvistika, straipsnio

autorė analizuodama ieškojo atsakymų į šiuos klausimus: kokias temas pasirenka pokalbiui diskurso subjektas, kokiomis raiškos priemonėmis jis išreiškia savo mintį, kas lemia diskurso subjekto temas ir išraiškos priemonių pasirinkimą apie ką kalba diskurso subjektas, ką jis pasakė, koku būdu jis išsakė savo mintį, kodėl diskurso subjektas pasakė būtent tai ir būtent pasirinktu būdu. „Kodėl“ yra sudėtingas ir įdomus klausimas, atsakymas į šį klausimą leidžia tyrėjui suprasti subjekto diskurso vertybines orientacijas.

Problemos tyrimas leido priėti prie išvadų, kad koncepto „Vilnius“ struktūrai bei prasmei individualiame T. Venclovos pasaulėvaizdyje yra svarbiausi dvasiniai elementai, iš kurių susideda vientisas miesto įvaizdis: dvasinis miesto gyvenimas, miesto daugiakalbystė ir daugelio kultūrų kaimynystė, miestiečių tolerancija vienas kitam, šiek tiek provincionali Vilniaus dvasia, taip pat miesto erdvę apibūdinantis elementas – architektūros formų chaosas.

Rusų kultūros konceptosferos koncepto «Вильнюс» struktūra pirmiausia turi erdvę apibūdinančius elementus (juk Vilnius visų pirma yra geografinė erdvė): tai yra vieta, kurioje kažkas vyksta, šioje vietoje egzistuoja skirtingi materialiniai bei abstraktūs dalykai, vadovauti šiam miestui siekia skirtingos tautos.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: Vilnius, Venclova, konceptas, pasaulėvaizdis.

Viktorija Makarova

Vilnius University, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, discourse analysis, rhetoric, pragmatics

THE CONCEPT OF VILNIUS IN TOMAS VENCLOVA'S PICTURE OF THE WORLD AND IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Summary

The article presents research results of Tomas Venclova's individual concept *Vilnius* and universal Russian linguistic concept *Vilnius*. The hypothesis was the idea that Venclova's text about Vilnius may become (or is becoming) an influential cultural fact affecting the conceptual field of the whole Russian culture.

The material for the analysis is a text taken from Venclova's Russian translation of the book about Vilnius and the data collected from the "National corpus of the Russian language". Research objectives – firstly, to explicate the structure and the meaning of *Vilnius* concept in the discourse of Venclova. Secondly, to show the structure and the meaning of *Vilnius* concept in the conceptual field of Russian culture. The problem is new because linguists have not yet explored the problem of *Vilnius* concept description in the discourse of Venclova and in the picture of the world in the Russian language. The analysis is based on the methods of cognitive linguistics: in the research the author analysed what was said, how it was said, and why the speaker said this and in that manner. "Why" is the most complex and interesting question. An attempt to answer the question "why" enables us to perceive the key values in the worldview of the discourse subject.

The analysis has showed that the structure of *Vilnius* concept in Venclova's individual view of the world is characterized by an important role of "spiritual" components that make up a complete image of the city: the religious life of the city, its multilingualism and multiculturalism, tolerance of citizens in relation to each other and others, some provincial spirit of the city, as well as (what we refer to not "spiritual", but rather spatial elements) the irregularity of its architectural forms. The structure of *Vilnius* concept in the Russian language consists of natural spatial (Vilnius is primarily a geographical location) elements: the place where something happens, where different things (material or abstract) are present; the place which is attractive to be "owned" by different nations.

KEY WORDS: Vilnius, Venclova, concept, the picture of the world.